

Он продолжил:

— После твоего ухода я много раз тайком приходил к тебе, но ты тогда так резко всё сказал, и я боялся, что у тебя плохое настроение, не решался подойти и побеспокоить... Тем более, ты был атакован дома, и в то время состояние учительницы тоже было не лучшим. Я думал, что, даже если ты вернёшься и увидишь это, то будешь винить себя, так что лучше тебе сменить обстановку. Теперь я понимаю, что всё это из-за гу разлуки — это была причина, верно?

Ло Инбай на мгновение замолчал, а Ся Сяньнин терпеливо ждал, держа его за руку.

Наконец, Ло Инбай тихо вздохнул:

— Я не думал, что когда-нибудь смогу рассказать об этом кому-то из близких. Да.

Ся Сяньнин почувствовал, будто кто-то ударил его в грудь, мышцы на его лице исказились, как будто он испытывал сильную боль.

Он закрыл глаза, а затем спросил:

— А сейчас всё в порядке? Ты справился? Как ты избавился от этого? Не повлияло ли это на твоё здоровье? Ты... почему не сказал?

Последние слова прозвучали с лёгкой хрипотцой. В отличие от него, Ло Инбай был гораздо спокойнее:

— Просто не было необходимости.

Он посмотрел на Ся Сяньнина с невозмутимым выражением лица, но при ближайшем рассмотрении казалось, что его глаза слегка покраснели:

— Ты настаиваешь на этом, и я могу рассказать. Я попал под влияние гу разлуки, поэтому сделал эту татуировку и ушёл из дома. Но теперь гу уже развеяно, и нет смысла специально об этом говорить.

Ся Сяньнин хрипло произнёс:

— А если бы ты не смог избавиться от этого? Если бы я умер, пока гу ещё действовало, ты бы никогда больше не увидел меня?

Ло Инбай ответил:

— Даже если бы я рассказал вам, что бы это изменило?

Ся Сяньнин молчал.

В то время все знали, что в этом деле были замешаны Гэ Паньмин, Пэн Сюань и Чжу Цайвэй, но их следы было трудно найти. По обычным стандартам, гу разлуки нельзя развеять, кроме как заклинателем, так что, даже если бы Ло Инбай тогда рассказал правду, всё равно ничего нельзя было бы сделать.

Последствия, которые Ся Сяньнин мог представить, были таковы: с точки зрения разума каждый понимал, что нужно держаться подальше от Ло Инбая, но эмоционально они не могли с этим смириться. Каждый боролся, каждый страдал — разве можно было приковать его цепями к кровати? Или бы он сам не ушёл, ожидая, что его родные будут мучиться, решая, уговаривать ли его уйти?

Ло Инбай сделал лучший выбор, кроме того, что обидел себя самого, остальные могли жить спокойно.

Но как можно жить хорошо без Ло Инбая? Как его сны, которые казались то реальными, то иллюзорными, и до самой смерти он так и не смог увидеть его.

— Я не смог вовремя всё это понять, — тихо сказал он. — Старший брат, когда я сейчас вспоминаю об этом, мне очень, очень жаль.

Тон и выражение лица Ся Сяньнина уже стали спокойными. С начала и до конца он пролил только одну слезу, которая с лёгким звуком «пах» разлетелась на множество капель, быстро высохла и исчезла без следа.

Но она словно что-то обжигающее осталась на руке Ло Инбая, чувство жжения долго не проходило, слеза будто проникла сквозь кожу, впиталась в кровь и по сосудам добралась до сердца.

Возможно, в глубине души, даже не желая показывать свою слабость, он всё же надеялся, что его поймут.

Ло Инбай сказал:

— Ты ещё не сказал мне, как ты вообще узнал об этом.

Ся Сяньнин постучал суставом пальца по уже потускневшему гу цветения персика:

— Из-за этого.

Ло Инбай только сейчас вспомнил, с чего начался их разговор:

— Ах да, откуда эта штука вообще взялась?

Ся Сяньнин ответил:

— Ты тогда правильно сказал, даже если я немного выпил и был не в себе, я не должен был дойти до такой степени, что... по отношению к тебе.

Он действительно любил Ло Инбая и хотел быть с ним, это правда, но точно не таким почти насильственным способом.

Ло Инбай опустил взгляд и кивнул в знак согласия — в сердце Ся Сяньнина уже было его «разбитое зеркало снова стало целым», и, учитывая упрямство его младшего брата, Ло Инбай верил, что если тот влюбится в кого-то, то вряд ли изменит своё мнение. Так что, если бы не было другой причины, Ся Сяньнин вряд ли бы ошибся.

Ся Сяньнин сказал:

— Ты тоже знаешь, что гу цветения персика вызывает чувства, а Девушка-костяной монстр любит пожирать эмоции, так что на этот раз, скорее всего, она появилась, почувствовав запах гу цветения персика, но сначала ты этого не заметил.

Ло Инбай нахмурился, связал слова Ся Сяньнина воедино и сразу же сказал:

— Ты имеешь в виду, что гу цветения персика изначально было направлено на меня! Их энергии столкнулись, и это скрыло мои ощущения.

Ся Сяньнин медленно кивнул.

Ло Инбай ударил кулаком по столу, теперь он понял, как его маленькие секреты оказались раскрыты перед Ся Сяньнином, всё это действительно было совпадением.

Гу цветения персика — это такая вещь, которую даже уличный гадалец может мгновенно создать в большом количестве, для Ло Инбая и Ся Сяньнина это пустяковая уловка, но Ло Инбай, на котором это оказалось, не заметил этого.

Не из-за его невнимательности, а потому что он ранее попал под влияние гу разлуки.

Яд гу работает по тому же принципу, что и иммунитет к лекарствам. Ло Инбай, попавший под влияние гу разлуки, выработал антитела к гу цветения персика, которое также контролирует

эмоции. Ся Сяньнин, основываясь на этой подсказке, нашёл информацию и раскрыл секрет татуировки Ло Инбая.

Но если Ло Инбай не чувствовал этого, то Ся Сяньнину пришлось хуже. Гу не нашло у Ло Инбая места для обитания, поэтому, даже не предупредив, выбрало пьяного Ся Сяньнина, воспользовавшись его неясным состоянием, чтобы разжечь огонь.

Однако гу цветения персика для Ся Сяньнина имело только временный ослепляющий эффект, его сила быстро ослабла из-за его собственной магической защиты.

Ло Инбай сказал:

— Не факт, что кто-то специально хотел наложить на меня это, скорее всего, я подхватил это на съёмочной площадке, я последнее время провожу там больше всего времени. И ещё кое-что я тебе не рассказал, это тоже причина, по которой я сегодня пришёл в Отдел особых расследований.

Ся Сяньнин вопросительно посмотрел на него, Ло Инбай сказал:

— Чэн Инь стал дурачком.

Он взял чашку Ся Сяньнина и сделал глоток воды. Ся Сяньнин пристально посмотрел на чашку, но Ло Инбай, не обратив на это внимания, поставил её обратно и продолжил:

— Я узнал об этом недавно, мне позвонили из полицейского участка. Не знаю, помнишь ли ты, когда Чэн Иня забирали, он сильно буянил, один полицейский ударил его по голове, и после этого в участке он стал дурачком.

Ся Сяньнин тоже был тогда на месте:

— Тот удар был не сильный.

Ло Инбай сказал:

— Да, я же вызвал полицию, они попросили меня прийти и объяснить ситуацию на месте, чтобы дать показания против того полицейского. Я заодно посмотрел на Чэн Иня и обнаружил, что у него не было травмы головы, а просто полностью исчезли разум и эмоции, он стал человеком с пустым мозгом.

Ся Сяньнин, видя, что Ло Инбай действительно может отпустить любые эмоции, сам же не ел весь день, от шока до боли, переживая эмоциональные взлёты и падения, чувствовал головную боль, потер лоб и сказал:

— Я понял, значит, возле отеля что-то не так.

Ло Инбай сказал:

— Да, похоже, что несколько пропущенных приёмов пищи не повлияли на твой мозг, ты действительно крут. Давай поедим, отдохнём, а потом пойдём посмотрим.

Ся Сяньнин ответил:

— Хорошо.

И начал быстро есть. Ло Инбай добавил:

— Ты хоть немного добавь овощей! Я специально купил, ты же любишь это, правда?

Ся Сяньнин согласился, но всё равно ковырял еду палочками, через некоторое время сказал:

— Прости.

Он произнёс только три слова, но оба понимали, что если бы это был обычный характер Ло Инбая, он, возможно, пошутил бы, но сейчас он вспомнил «разбитое зеркало снова стало целым» Ся Сяньнина и раздражённо сказал:

— Если ты извиняешься за тот случай, то заткнись. Я сказал, что не виню тебя.

Ся Сяньнин сказал:

— Я знаю, я виню себя.

— Ох, не могу!

Ло Инбай хлопнул его по плечу, раздражённо сказав:

— Хватит строить из себя жертву, ты винишь себя за то, что на меня напал, или за то, что не добился своего?

Ся Сяньнин: ...

Он вдруг засмеялся.

<http://bllate.org/book/15511/1396182>